Глава 16

Как бы то ни было, это его родной мир. Первые двадцать с лишним лет своей жизни Ло Шан провёл здесь вполне счастливо, и, разумеется, он не собирался стирать всё в порошок, лишь бы расчистить себе дорогу. Разнести что-нибудь на кусочки по мелочи — не страшно, ведь он всегда мог собрать всё обратно.

Но если бы за дело взялся Кэ Яньцзинь, он бы точно ничего не стал восстанавливать.

Ло Шан прекрасно понимал: ради него Кэ Яньцзинь был способен на всё.

Он отринет любую мораль, растопчет все принципы, даже собственные, не говоря уже о каком-то жалком мирке.

Однажды, когда они выполняли боевое задание на Рубеже Бездны, Ло Шан, находившийся на передовой, угодил в редчайшее событие — всплытие глубинного Владыки Бездны, случавшееся раз в тысячу лет.

Успешное вторжение этого Владыки позволило бы ему использовать мир как плацдарм для беспрерывного притока своих орд, пока реальность не была бы поглощена и не стала частью самой Бездны.

Взвешивающий, ответственный за тот сектор, без колебаний приказал затопить всю передовую в Бездне, чтобы предотвратить превращение целого мира в плацдарм для вторжения.

Действия Взвешивающего были безупречны, как по учебнику.

Предотвращение всплытия тварей Бездны и защита миров, дрейфующих в Пустоте, от поглощения — священный долг любого разумного существа.

А те, кого при этом пришлось принести в жертву… что ж, им просто не повезло. Иногда удача — необходимое условие выживания.

И Ло Шан оказался одним из тех несчастливцев.

Окутанный бесконечной грязью, сотканной из злобы и греха, юноша чувствовал, как его затягивает вниз, и был уверен, что здесь ему и наступит конец.

Смерть — обычное дело. В мириадах миров каждую секунду кто-то умирает. Игрок и сам не раз оказывался на волосок от гибели.

Быть избранным в Пространство реинкарнации — это уже вторая жизнь, подаренная судьбой. Увидев столько всего, он не должен был ни о чём сожалеть.

Он больше не был тем недалёким и злодейским мужским персонажем второго плана Су Шаном, который жаждал чужого внимания и был готов на любую подлость. Он стал свободным игроком, способным отправиться в любой мир по своему желанию.

Он видел северное сияние на краю мира, исследовал древнюю Атлантиду, срывал цветы персика, цветущие раз в три тысячи лет, пилотировал корабль сквозь астероидные поля и созерцал голубую планету на левом витке правого рукава Ориона… и многое, многое другое…

Ло Шан убеждал себя принять неизбежное с достоинством. Он много раз представлял себе собственную гибель.

Пространство реинкарнации — место, где никто не застрахован от смерти. Разве не ради этого он когда-то сделал свой выбор?

Он действительно вырвался из того места и той судьбы!

Но в душе его горел неугасимый огонь, вопивший о другом.

Он не хотел сдаваться.

Он не хотел умирать.

Сколько бы он ни уговаривал себя смириться, юноша не мог заставить себя спокойно принять конец.

Он хотел увидеть ещё больше миров, познакомиться с новыми людьми, заглянуть в иные варианты будущего, стать свидетелем невероятных способностей!

Он не хотел умирать здесь, тонуть в Бездне, забытый всеми, не хотел превратиться в одержимое ненавистью чудовище!

Но как бы отчаянно он ни боролся, ему было не вырваться из тисков изначальной почвы Бездны — хотя в будущем эта самая почва показалась бы ему легче пылинки.

И когда он уже был готов к смерти или, что хуже, к превращению в уродливое порождение Бездны, ослепительный луч белого света пронзил багровую пелену. Изначальная почва Бездны треснула, явив Ло Шана и окровавленное тело его спасителя.

Это было исполинское рыбоподобное существо, чью изначальную окраску невозможно было разглядеть. Каждую секунду на его тело взбирались твари Бездны, рвали плоть, пытаясь утащить его на дно.

Бесчисленные щупальца, порождённые почвой, родственной Сижану, пытались опутать создание, сделать его частью костяного ландшафта Бездны.

Но оно, не обращая внимания ни на что, упрямо двигалось к своей цели, сметая все преграды, терпя укусы монстров, зубами прорывая себе путь к спасению.

Ло Шан протянул руку и коснулся головы огромного существа, похожего на кита.

— Это… это ты?

В тот день Кэ Яньцзинь впервые предстал перед ним в своём истинном обличье. Тогда они были даже не парой, а просто напарниками.

Ради его спасения всегда расчётливый капитан впервые в жизни действовал без плана, без подготовки. Он просто прыгнул в Бездну, приняв свою ненавистную истинную форму, рискуя навеки остаться там, и вытащил Ло Шана.

Позже тот спросил его, неужели он не думал о том, что, если бы им не повезло, он не только не спас бы его, но и сам бы сгинул.

Кэ Яньцзинь с улыбкой ответил, что умереть вместе было бы неплохо, вот только пейзажи в Бездне не соответствуют эстетическому вкусу Ло Шана, и это немного огорчает.

В отряде капитан Кэ Яньцзинь был мозговым центром — стратегом, всегда спокойным и сдержанным.

Но как только дело касалось безопасности Ло Шана, он превращался в безумца.

Разница была лишь в том, было ли это безумие рациональным или же всепоглощающим, сметающим всё на своём пути…

Поэтому Ло Шан должен был мыслить трезво.

Использование некромантии для управления трупами — это уже огромный прогресс.

По крайней мере… по крайней мере, Кэ Яньцзинь не предложил запечатать их сознание в живых телах и управлять ими с помощью магии подчинения, что было бы ближе к

определению «человек».

Побочным эффектом было бы то, что их сознание в ужасе наблюдало бы за действиями своих тел, не в силах ничего контролировать…

Некромантия хотя бы оставляла их сознанию свободу, верно? Использовались ведь только тела.

— Нельзя.

Поразмыслив, Ло Шан всё же открыл личные сообщения и ответил.

Кэ Яньцзинь ответил почти мгновенно, завалив диалоговое окно вопросами.

[Почему нельзя, Сяо Юй?]

[Ты всё ещё любишь их, Сяо Юй?]

[Ты теперь будешь меня ненавидеть из-за этого?]

[Сяо Юй, я подключу Духовную сеть к твоему миру, и мы сможем постоянно общаться, хорошо?]

…

— Эх, — вздохнул Ло Шан и принялся отвечать на каждое сообщение.

В Пространстве реинкарнации нельзя было раскрывать своё настоящее имя, чтобы избежать проклятий.

Если бы кто-то провёл поиск по имени «Ло Шан» во всех мирах, то на первом месте оказался бы именно он. Любое проклятие, нацеленное на это имя без дополнительных уточнений вроде крови или волос, обрушилось бы на него.

Это была и честь, и проклятие.

Использование псевдонимов было обычной практикой. Псевдоним Ло Шана был Шан Юй. Фамилия была созвучна его настоящему имени, а имя он придумал сам.

«Юй» означало «остаток» или «лишний». В делении есть частное — «шан», — и остаток — «юй». Шан и остаток идеально дополняют друг друга. К тому же в своей прежней семье он

действительно чувствовал себя лишним, потому и выбрал себе такое имя.

Когда Ло Шан познакомился с Кэ Яньцзинем, он использовал этот псевдоним. А поскольку истинная форма капитана была рыбоподобной, то, даже когда они обменялись настоящими именами, ласковое прозвище «Сяо Юй» — «Рыбка» — прижилось само собой.

Кэ Яньцзинь говорил, что Ло Шан — не лишний, а его драгоценная рыбка, и он изменит его представление о себе. Он даже предложил сменить псевдоним на «Шан Юй», где «юй» писалось бы иероглифом «рыба».

Ло Шан отказался.

Всё это было так давно. Вспоминая об этом, он невольно улыбнулся.

Надо признать, трудности с подключением к Духовной сети в его родном мире, возможно, и были одной из причин, по которой Кэ Яньцзинь так хотел его уничтожить… всё-таки это была настоящая глухомань.

В мириадах миров удалённость места определялась не его расположением — в Пустоте не было ни верха, ни низа, — а уровнем духовной энергии. Если её было много, мир считался процветающим, если мало — захолустьем.

Ответив на сообщения, Ло Шан закрыл системное окно и принялся воссоздавать мир.

У него уже был готов план действий.

***

Су Минъяо моргнул.

Всё вернулось к тому моменту, который предшествовал падению инвалидного кресла. Время снова потекло, и он как раз собирался выйти из ванной.

С трудом сдерживая слёзы, юноша глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

Наконец-то он выбрался из этой ужасающей, бездонной пустоты. Увидев вокруг знакомые предметы, молодой человек испытал чувство, будто прожил целую жизнь. Это ощущение было даже сильнее, чем после его перерождения.

Воспоминания о бесконечно долгом заточении в момент возвращения стали расплывчатыми и обрывочными, оставив после себя лишь глубокий страх и бессилие.

Су Минъяо беззвучно шевельнул губами. На мгновение ему показалось, что он разучился говорить, но, к счастью, мышечная память помогла.

«Нельзя, чтобы Су Шан заметил что-то неладное. Нужно подыграть ему»

Иначе его снова ждёт заточение в клетке из пустоты. Су Минъяо принял твёрдое решение.

Он знал, что Су Бинъяо уже мчится сюда, чтобы следовать «сценарию» из прошлой жизни и предотвратить очередное уничтожение мира.

Но как быть с падением инвалидного кресла?

Рука юноши замерла на дверной ручке.

Должен ли он сам решить эту проблему? Или у Ло Шана уже есть готовое решение? А если нет, не запрут ли их снова?

Ладони постепенно вспотели.

Но бездействовать было нельзя. Согласно «сценарию», он должен был выйти.

Выйдя в гостиную, Су Минъяо снова увидел ассистента Сяо Чжана и Су Шана.

Он заметил, что брат был не в духе, его тон стал ещё более ровным и безразличным.

Юноша, восстанавливая в памяти события, повторил свои предыдущие действия.

Всё это время Ло Шан молчал, и Су Минъяо не слышал его мыслей.

И это было хорошо.

Если он был исключён из зоны действия особой способности Ло Шана, не означало ли это, что в следующий раз, когда тот решит уничтожить мир, его это не затронет?

Не успел он обрадоваться, как услышал его голос.

[Готово. На этот раз я установил «Энтропийную константу», теперь кресло не развалится.]

«Что ещё за «Энтропийная константа»?» — Су Минъяо был заинтригован. Это была

демонстрация сверхъестественных способностей Ло Шана.

«Нужно внимательно наблюдать. Может, в будущем пригодится. Например, когда он решит расправиться со мной», — с горькой иронией подумал юноша.

[Но вы подумали о том, что, применив «Энтропийную константу» к этой инвалидной коляске, вы сделали её неизменной на миллионы лет? Никакая атака не сможет её разрушить, и она просуществует до самой тепловой смерти Вселенной, а затем продолжит дрейфовать в Пустоте?]

[Иными словами, вы походя даровали ей вечность, наделив судьбой, которой у неё никогда не было.]

Система продолжала увещевать.

Энтропия — это совокупная мера хаоса объектов во вселенной, включая тепловое движение атомов. Атомы и молекулы, из которых состоят объекты, не находятся в покое, а постоянно совершают беспорядочное движение.

«Константа», применённая Ло Шаном, в один миг зафиксировала положение всех молекул и атомов в этом кресле, лишив их возможности изменяться или двигаться.

Таким образом, конструкция стала нерушимой, самым прочным и неразрушимым объектом в этом мире. Даже если бы рядом с ней взорвалась ядерная бомба, коляска осталась бы невредимой.

Она будет сохранять это состояние вечно — или до тех пор, пока Ло Шан не отменит эффект. Время не оставит на ней и следа, не сможет повредить ни на йоту.

[Вы превратили её в самое опасное оружие в этом мире…]

Хотя Су Минъяо уже знал, что Ло Шан способен уничтожать миры, на этот раз он был по-настоящему потрясён.

Вечность!

Это понятие обычно существовало лишь в литературе, а теперь тот воплотил его в реальность.

Если бы кто-то сказал Су Минъяо, что нет ничего вечного, он мог бы возразить: это кресло — вечно.

Оно стало неразрушимым артефактом.

Су Шан, если уж брался за дело, то делал это с размахом!

«Достойно того, кто способен играючи уничтожать миры…» — юноша проникся благоговейным трепетом.

http://bllate.org/book/15986/1501006